

РОЛАНД ТИМЕРБАЕВ: «ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ДНЯО – НЕ ДОПУСТИТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ – В ЦЕЛОМ ВЫПОЛНЕНА»^{1,2}.

ХЛОПКОВ: Уважаемый Роланд Михайлович, Вы были одним из ключевых участников переговоров по выработке Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Как Вам тогда виделась основная задача ДНЯО? Удалось ли их, на Ваш взгляд, решить за 50 лет, прошедшие с момента открытия Договора для подписания?

ТИМЕРБАЕВ: Основная задача Договора указана в его названии – не допустить распространения ядерного оружия. В целом, ее можно считать выполненной. На момент открытия Договора к подписанию специалисты в СССР и США прогнозировали возможность появления в обозримой перспективе до 20–25 государств–обладателей ядерного оружия. Этого, во многом благодаря ДНЯО, удалось избежать. Сегодня, как мы знаем, ядерным оружием располагают лишь 8 государств («ядерная пятерка», а также Израиль, Индия и Пакистан); кроме того, ядерной державой себя объявила КНДР.

В этом контексте целесообразно вспомнить ряд исторических событий. Во-первых, ЮАР добровольно отказалась от ядерного оружия, что было подтверждено Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Во-вторых, после распада Советского Союза, на статус ядерной державы претендовала Украина, на территории которой была расположена значительная часть ядерного арсенала бывшего СССР. Потребовалось приложить немало усилий, чтобы Киев отказался от ядерных амбиций, вернул ядерные боеприпасы в Российскую Федерацию и присоединился к ДНЯО в качестве неядерного государства. В-третьих – пример Ирана. В 2015 г. на основе Договора удалось договориться о сокращении масштабов и ограничении развития ядерной программы Исламской республики, при этом иранские ученые продолжают работы в ядерной сфере в соответствии с правом каждого члена ДНЯО на мирное использование атомной энергии, зафиксированном в Статье IV Договора.

В Статье VI также зафиксирована задача положить начало процессу ядерного разоружения. Ядерные державы, присоединившись к ДНЯО, взяли на себя соответствующие обязательства. Согласно имеющимся оценкам, за последние два с половиной десятилетия совокупные арсеналы ядерных стран (главным образом, России и США) сократились примерно в 5–6 раз по сравнению с пиком холодной войны. Впрочем, ситуацию со Статьей VI нельзя назвать однозначной. На мой взгляд, тема ядерного разоружения чрезвычайно важна в контексте обсуждения будущего Договора о нераспространении ядерного оружия и всего ядер-

¹ Роланд Михайлович **Тимербаев** – патриарх российской дипломатии в области ядерного нераспространения, один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия. Участник переговоров по Договору об ограничении систем противоракетной обороны (1972), Соглашению между СССР и США о предотвращении ядерной войны (1973) и созданию системы гарантий МАГАТЭ, с 1988 по 1992 г. – Постоянный Представитель СССР (а затем – Российской Федерации) при международных организациях в Вене.

² Интервью опубликовано на русском языке в журнале «Ядерный клуб», №1-2, 2017. Редакция журнала «Ядерный клуб» благодарит А.С. Шаврову за помощь в подготовке интервью.

ного миропорядка, поэтому я хотел бы к ней позднее вернуться во время нашего разговора.

Прошедшие с момента открытия ДНЯО для подписания почти 50 лет выявили и уязвимые места Договора. В первую очередь, я имею в виду выход из ДНЯО КНДР. Я лично в первой половине 1980-х гг. летал в Пхеньян и убеждал северокорейских дипломатов в целесообразности присоединения КНДР к Договору. В 1985 г. страна стала членом ДНЯО, а 18 годами позднее заявила об окончательном выходе из него, активизировала свою ядерную программу и провела пять ядерных испытаний³.

ХЛОПКОВ: Видите ли Вы другие уязвимые места у Договора, которые проявились за 50 лет? В чем природа этой уязвимости? В самих положениях Договора, разработанных в геополитических условиях, существовавших на тот момент, или же они проявляют себя в условиях отсутствия достаточной политической воли для принуждения того или иного государства к неукоснительному выполнению своих обязательств по ДНЯО?

ТИМЕРБАЕВ: В числе других уязвимых мест Договора я бы назвал два, и природа обоих заложена в тексте. Когда началась первая работа по выработке текста ДНЯО, она проходили в двустороннем формате в Нью-Йорке в 1966 г. между СССР и США. На тот момент о переговорах по ДНЯО в Комитете по разоружению, или как его называли Комитете 18-ти, речи не шло. В Нью-Йорке мы договорились о тексте Статей I и II, но Статьи IV и VI в их нынешнем виде не планировались. И именно последние две статьи я считаю наиболее слабыми.

Согласно Статье VI, государства должны вести переговоры о разоружении в «духе доброй воли». Ее первоначальный проект был предложен Египтом, а точнее, в то время – Объединенной Арабской Республикой. Впоследствии к работе подключились другие неядерные государства. Был составлен новый проект статьи, внесенный Мексикой, где были перечислены практические меры, которые не ограничивались только разоружением. Предлагалось, например, включить в текст вопросы прекращения ядерных испытаний и прекращения производства ядерных материалов. СССР и США, взяв мексиканский проект за основу, предложили альтернативный вариант Статьи VI. В Москве были сторонники того, чтобы оставить в тексте хоть что-то из предложений неядерных стран в части практических мер – в частности, к их числу относились министр иностранных дел А.А. Громыко и первый заместитель министра В.В. Кузнецов. Однако американская сторона в лице Постоянного представителя США при ООН Артура Гольдберга, настояла на исключении детализации из Статьи VI.

Начиная с 1960-х гг. была заключена серия двухсторонних и многосторонних документов, касающихся ядерного разоружения, снижения ядерной опасности и так или иначе направленных на реализацию Статьи VI. Паузы в этом процессе,

³ Работа над интервью была завершена в июле 2017 г., до проведения КНДР шестого ядерного испытания – *Прим. ред.*

бесспорно, наступали, но вплоть до 2010 г. переговорный процесс в целом носил достаточно регулярный характер, была проделана существенная работа в части сокращения ядерных арсеналов. Однако 7 лет назад этот «поток» иссяк. Показательно, что совсем недавно, на саммите «двадцатки» 7 июля 2017 г., произошла встреча президентов России и США, и, насколько я знаю, эти вопросы ими не обсуждались. Необходимо возобновление регулярного диалога двух стран по вопросам ядерного разоружения с подключением других ядерных государств. Нынешнее положение дел и дискуссия вокруг вопроса ядерного разоружения во многом является заложником формулировок, согласованных в Статье VI.

Статья IV (о мирном использовании атомной энергии) стала для многих неядерных стран одним из стимулов присоединения к Договору. Её главный недостаток заключается в том, что в ней в буквальном смысле не сказано, каким образом следует «способствовать» другим странам в использовании ядерной энергии в мирных целях. Возникает вопрос – как помогать? Возьмем, к примеру, поставки оборудования по обогащению урана, в том числе газовых центрифуг. Должно ли это оборудование поставляться в неядерные страны? Отсутствие большей конкретики приводит к различной интерпретации соответствующего положения в условиях, когда провести четкую грань между мирным и военным использованием ядерных технологий – задача практически невыполнимая.

К слову, недавно в рассекреченных британских архивах были обнаружены документы, согласно которым в ходе переговоров по ДНЯО англичане пытались через американскую делегацию поднять вопрос об обогащении. В частности, речь шла о том, что очень опасно оставлять окно возможности для поставки такого оборудования, и предлагалось каким-то образом отразить это в Договоре. Но представители США в тот момент были уверены, что неядерным странам не удастся «пробиться» к таким технологиям, поэтому решили не усложнять переговоры еще и этой тематикой. Честно говоря, я не знаю, как бы мы в советской делегации среагировали, если бы англичане или американцы вышли бы к нам с инициативой о включении в Договор положения о том, что оказывать содействие третьим странам можно лишь в «нечувствительных областях».

Говоря о сегодняшнем дне атомной энергетики, нельзя игнорировать тот факт, что отношение в мире к ней меняется. Последний пример – Франция. Страна, где свыше 70% электроэнергии вырабатывается на АЭС, начинает процесс постепенного снижения вклада «атома» в энергобаланс. Принято решение сократить этот показатель до 50%. Германия в ближайшие годы полностью прекратит использование атомной энергии и сохранит лишь исследовательские ядерные установки для производства медицинских изотопов. Нельзя исключать, что с течением времени и другие государства могут пойти по схожему пути. Это еще один фактор, который будет влиять на мировой ядерный порядок в долгосрочной перспективе.

ХЛОПКОВ: Было ли заключение ДНЯО неизбежным? Что стало толчком для начала серьезных переговоров по Договору?

ТИМЕРБАЕВ: Я считаю, что соответствующее отношение к ядерному оружию и, соответственно, идея о необходимости выработки ДНЯО, напрямую связаны с Карибским кризисом 1962 г. До него единственным человеком, поднимавшим вопрос предотвращения ядерного распространения с высокой трибуны, был министр иностранных дел Ирландии Фрэнк Эйкен. В 1958 г., за 4 года до Карибского кризиса, он внес проект соответствующей резолюции в Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН⁴. В целом, инициатива имела поддержку, но практических шагов по ее реализации предпринято не было. Кстати, впоследствии министр Эйкен приезжал в Москву в 1968 г. на церемонию подписания Договора.

Отношение к ядерному оружию стало меняться у многих именно после событий 1962 г. Человечество столкнулось с таким кризисом, который мог бы привести к катастрофе всемирного масштаба. И именно после этого события началась активная переговорная работа по ядерной проблематике. Летом 1963 г., спустя несколько месяцев после урегулирования Карибского кризиса, президент США Джон Кеннеди выступил с речью, в которой обозначил важность взаимодействия Москвы и Вашингтона в целях предотвращения 'дальнейшего распространения ядерного оружия'⁵. Довольно быстро, буквально через месяц, эта идея получила отклик у Н.С. Хрущева и советского правительства, и еще через месяц-полтора, 5 августа 1963 г., был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Затем наступила очередь Договора о нераспространении ядерного оружия.

Изменение отношения к ядерному оружию проявилось еще и в том, что НАТО отказалась от создания Многосторонних ядерных сил (МЯС) и Атлантических ядерных сил (АЯС). В Альянсе поняли, что такой план не соответствует характеру отношений между странами в тот период времени.

ХЛОПКОВ: Что, на Ваш взгляд, стало точкой невозврата в ходе переговоров, после которой заключение Договора стало делом времени?

ТИМЕРБАЕВ: Думаю, что это достижение в Нью-Йорке в 1966 г. договоренностей между США и СССР по Статьям I и II. Они стали своеобразными константами, вокруг которых была построена вся архитектура Договора, и которые были сохранены в тексте в своем первоначальном «нью-йоркском» виде к моменту его открытия к подписанию.

⁴ 31 октября 1958 г. на заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН Ирландия представила проект резолюции о создании специального комитета для изучения опасностей, связанных с дальнейшим распространением ядерного оружия. На том заседании резолюция принята не была, но в 1959 г. удалось принять резолюцию о создании Комитета 10-ти по вопросам разоружения – *Прим. ред.*

⁵ 10 июня 1963 г. в Американском университете в Вашингтоне, округ Колумбия, Президент США Джон Кеннеди выступил с так называемой «Речью мира» – *Прим. ред.*

ХЛОПКОВ: Вы уже говорили, что переговоры по ДНЯО начались в советско-американском формате. Кто, на Ваш взгляд, сыграл ключевую роль в Москве и Вашингтоне в том, что Договор состоялся?

ТИМЕРБАЕВ: На мой взгляд, в первую очередь это президент США Линдон Джонсон и министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко. В архивах президента Джонсона я знакомился с перепиской между ним и его помощниками, курировавшими вопросы переговоров по ДНЯО в Аппарате Белого дома. Я был поражен, насколько президент США был лично «погружен» в обсуждение деталей переговоров, а также степенью консенсуса по этому вопросу среди ключевых сотрудников Белого дома. В то же время, государственный секретарь Дин Раск был против Договора, но Джонсон решил по-своему.

Андрей Андреевич Громыко, в свою очередь, уговаривал Политбюро. Переговорный процесс проходил на фоне инициатив НАТО по созданию МЯС и АЯС, был создан так называемый Комитет ядерного планирования («Комитет Макнамары»). Министерству иностранных дел и лично министру пришлось приложить немало усилий, чтобы получить межведомственную поддержку по вопросу заключения Договора.

К слову, коллегиальный орган, принимающий решения по вопросам ядерной политики НАТО, который сегодня называется Группа ядерного планирования, де-факто продолжает существовать. Это дает повод некоторым политикам и официальным лицам трактовать ДНЯО таким образом, будто бы он допускает блоковое участие в ядерных вопросах. Это не соответствует действительности. Проведение совместных ядерных миссий стран-членов НАТО⁶, или ‘nuclear sharing’, запрещено Договором.

ХЛОПКОВ: Как Вы оцениваете устойчивость ДНЯО к кризисам в области ядерного нераспространения, рассматривая 50-летнюю историю Договора?

ТИМЕРБАЕВ: Договор о нераспространении ядерного оружия – это основа мирового ядерного порядка. Примеры ЮАР и Ирана демонстрируют его способность успешно преодолевать кризисы, при этом в основе их урегулирования, о чем я говорил в начале нашей беседы, лежат именно принципы и положения ДНЯО. Надеюсь, что так это будет и в дальнейшем.

ХЛОПКОВ: Говоря о Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО 1995 г., а также о договоренностях, которые позволили добиться бессрочного продления Договора – считаете ли Вы, что они были выполнены? Какие вопросы, на Ваш взгляд, могут стать источником новых кризисов ДНЯО на обозримую перспективу?

⁶ Совместные ядерные миссии НАТО включают привлечение неядерных стран-членов Альянса к размещению на своих территориях ядерного оружия США, их участие в планировании его применения, а также подготовку военнослужащих и авиации указанных стран к нанесению ядерных ударов – *Прим. ред.*

ТИМЕРБАЕВ: Отвечая на этот вопрос нельзя уйти от ближневосточной проблематики. Считаю большим минусом, что США допустили превращение Израиля в неофициальную ядерную державу. В сентябре 1969 г. за закрытыми дверями состоялась беседа Президента США Ричарда Никсона и премьер-министра Израиля Голды Мейр. Они встречались тет-а-тет, и беседу записывал лично Никсон. Скорее всего, в открытом доступе эта запись никогда не появится. Как я понимаю, смысл беседы был в том, что американцы соглашались на разработку Израилем ядерного оружия при условии, что Тель-Авив на международной арене будет отрицать его наличие; так в итоге и произошло. Считается, что иначе США не смогли бы ратифицировать ДНЯО. Ситуация с ядерным арсеналом Израиля сегодня тормозит прогресс в области нераспространения на Ближнем Востоке. Этот вопрос и остается наиболее проблемным с точки зрения решений Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО 1995 г., в нем нет динамики.

В числе кризисных с точки зрения ДНЯО также остается вопрос КНДР. Не исключаю, что через несколько лет вновь может возникнуть иранская проблематика. Развитие событий по ним будет зависеть от политической ситуации в каждой из стран, в регионе и на международной арене в целом.

ХЛОПКОВ: Что, на Ваш взгляд, необходимо сделать государствам-участникам ДНЯО, чтобы Договор оставался жизнеспособной и эффективной частью архитектуры международной безопасности в течение следующих 50 лет?

ТИМЕРБАЕВ: Я считаю, что пришло время задуматься о новом формате диалога по ключевым вопросам ядерной проблематики. Прежний двусторонний формат Россия–США уже не соответствует международным реалиям. Необходимо активно подключать Китай. Речь идет не только о разоружении. Для усиления позитивных тенденций в ДНЯО необходима более активная роль Китая. В качестве первого шага, на мой взгляд, целесообразно провести трехстороннюю встречу представителей высокого уровня России, США и Китая по актуальным вопросам ядерного нераспространения и разоружения. Я понимаю, что сейчас, в общем политическом контексте, встреча по такой проблематике маловероятна. Но, когда откроется так называемое «окно возможностей» (а рано или поздно, я уверен, это произойдет), такую встречу следовало бы провести, и на ней выступить с рядом инициатив. Во-первых, продлить Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) еще на 5 лет, поставив при этом вопрос о снижении численных показателей, заложенных в Договоре. Масштаб новых сокращений при продлении ДСНВ может быть символическим. Сами новые численные значения не так важны, как демонстрация динамики. Во-вторых, Китай, в свою очередь, мог бы заявить, что он не будет осуществлять наращивание своего ядерного потенциала. В-третьих, стороны могли бы сформулировать свое отношение к Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) и найти совместную формулу, чтобы упомянуть его в положительном ключе. Это дало бы позитивный импульс к укреплению международного режима нераспространения ядерного оружия в целом и ДНЯО в частности.

ХЛОПКОВ: С одной стороны Вы отметили, что ДНЯО – это центральный механизм ядерного миропорядка и высказали надежду, что на его основе будут разрешаться новые кризисы в области ядерного нераспространения. С другой – подчеркнули необходимость «реагирования» ведущих ядерных держав на ДЗЯО. Не могу не задать Вам последний вопрос, как Вы видите место ДЗЯО в глобальной системе управления ядерным порядком?

ТИМЕРБАЕВ: В случае подключения к ДЗЯО всех стран, включая полный список государств–обладателей ядерного оружия, он может заменить всю существующую систему ядерных отношений. Т.е. в конце концов, новый Договор должен прийти на смену, в том числе, и ДНЯО. По существу, это будет означать наступление нового ядерного порядка. Мы сможем к нему прийти, когда в полном объеме всеми странами без исключения будет выполнен Договор о нераспространении ядерного оружия, поскольку вопросы разоружения не могут рассматриваться в отрыве от других положений Договора 1968 г. Пока время Договора о запрещении ядерного оружия еще не наступило, но мы должны думать, как двигаться в его направлении.